

Эдуард, в молодости вы оставили журналистику ради кино. Игра стоила свеч?

— В 20 лет человек менее чем когда-либо склонен к расчетливости. Когда я только собирался на учебу в Москву, редактор моей газеты «Бакинский рабочий» уверял меня, что скоро вернусь обратно: зарплату в 200 рублей не меняют на стипендию в 22 целковых. Но мне грех жаловаться на судьбу. Чем безрассуднее я поступал, тем больше мне сопутствовала удача. Судьба, как я понял, любит отчаянных простофилю. Так, после окончания сценарного факультета ВГИКа я не поехал по распределению редактором на Киевскую киностудию и отказался от корреспондентской должности в «Литгазете», а засел писать сценарии. Четыре месяца жил на гроши, ночуя у друзей и на вокзалах, но в кино-таки прорвался — «Мосфильм» запустил в производство мой дипломный сценарий.

Кинематограф вас не разочаровал?

— Нет. Хотя я по-разному оцениваю работу «своих» режиссеров. Фильм — это кладбище сценария. Но помню, как мы возили по стране мою картину «Юнга Северного флота», и на вечер в пионерлагере «Орленок» полторы тысячи юных зрителей забросали нас полевыми цветами. Когда я стоял на сцене буквально по пояс в цветах, то подумал, что за такие мгновения можно перетерпеть все гоготки советской цензуры, 120 поправок к готовому фильму, мат-перемат кинопроизводства и вообще все что угодно. Ведь вопреки всему этому ты сумел заставить зал и плакать, и смеяться, сопереживая твоим героям, и это здорово.

По вашим сценариям сняли 7 фильмов и поставили несколько спектаклей в разных театрах страны. По всем меркам вы были успешным драматургом. Почему эмигрировали?

— В глухое время конца 70-х мне уже было под сорок. Два моих фильма легли на полку. Замминистра кинематографии СССР Борис Павленок вызвал меня «на ковер» и кричал: «Вы порочите советский строй. Наши кинематографисты должны знать, на кого работают». Каждый новый фильм министр кинематографии в первую очередь вез показывать в загородные особняки членам политбюро и самому Брежневу. Если на даче фильм нравился, он без проблем выходил в прокат. И получалось, что кинематограф обслуживал партийных боссов, показывая, как под их мудрым руководством процветает советский народ. Шаг вправо, шаг влево — выпадешь из профессии, становишься «непроходимым». Когда я это понял, то решил, что больше в эти игры не играю, лизать им никакие места не стану. И уехал.

При всех несурриальных цензуры в советском кино снималось много фильмов, прокат приносит баснословные доходы, и, наконец, авторам прощались неудавшиеся режиссерские опыты и «полочные» фильмы.

— Мою картину «Любовь с первого взгляда», где не было ни политики, ни социальных проблем, а только любовная история, запретили из-за единственного эпизода. В большом бакинском дворе отец главного героя собирается резать барана, и соседи дают ему по этому поводу разнообразные советы. Один из них выходит на балкон в потертом френче и зачитывает инструкцию, как правильно резать. Смешно это выглядело или не очень, не беру судить, — это режиссерская придумка, в моем сценарии такого не было. Но чиновники из Госкино усмотрели здесь пародию на советского служащего, который, дескать, все делает по бумажке, и потребовали эпизод вырезать. Однако режиссер фильма Резо Эсадзе заявил: «Нет, я художник и ничего вырезать не буду!» И Советское государство, потратившее 240 тысяч рублей на производство картины, не посмело взять ножницы и самолично вырезать эти несчастные 19 метров пленки, что в подобном случае, даже не задумываясь, сделал бы любой западный продюсер.

Ваш последний фильм «Ошибки юности» стал последним и для молодого красавца-актера Станислава Жданько, убитого, как решил суд, его возлюбленной Валентиной Малявиной. Об этой скандальной истории много всего написано. А что там случилось на самом деле?

— Последний раз я виделся со Стасиком за сутки до его смерти. Мы вместе летали в Ленинград на озвучивание «Ошибок юности» (фильм мы потом посвятили памяти актера). А вскоре узнал страшную весть о его гибели. Сам я при этом не присутствовал и могу только повторить то, что по первоопу гогорила тогда вся артистическая Москва. Дело было ночью, оба выпили. Причем, я не помню, чтобы Жданько до этого прикасался к спиртному. В постели они затеяли странную игру:

В последние годы он часто разъезжает между Америкой, где дома, в Майами, его ждет молодая жена, восьмилетний сын и налаженный быт, и Россией, где ничего этого нет, но зато полно материала для будущих книг. С ним, автором 22 остросюжетных романов и сценариев к 7 художественным фильмам, нашему корреспонденту удалось поговорить в его очередной наезд в Москву.

Эдуард Тополь: Я ТОЧНО ЗНАЛ, ЧТО ЕДУ ПОДМЕТАТЬ УЛИЦЫ

Валя уперла в грудь Стасику нож и стала спрашивать, больно ли ему. Конечно, он храбро отвечал, что нет. Так она дошла до сердца. Когда он захрипел, Валя испугалась и выдернула нож из его груди. Врачи «примчавшейся» через 40 минут «скорой помощи» сказали: если бы нож не вытащили, то парня можно было бы спасти. Я читал Валину книжку воспоминаний. Там дана другая версия. Но, хорошо зная их обоих, склонен верить, что это не было банальное убийство или самоубийство, а все же изощренная любовная игра. Жданько сыграл в двух моих картинах, Малявина — главную роль в моем первом фильме «Там, где длинная зима». Все происшедшее я воспринимал как личную трагедию. Стас был потрясающим актером-самородком, сочетающим в своей игре пластику Даниэля Ольбрыхского и властную мужественность Евгения Урбанского. Его, безусловно, ждали международное признание и много интересных ролей. Жаль, что жизнь этого красивого парня оборвалась так нелепо.

Признайтесь, уезжая в Америку, вы рассчитывали попробовать свои силы в Голливуде?

— Я понимал, куда еду. Представьте себе, что какой-нибудь плохо говорящий порусски китайский сценарист приезжает на «Мосфильм» со своим сценарием. Как с ним обойдутся?

Ума не приложу.

— Ну, это же простенькая задачка для вступительных экзаменов на сценарный факультет ВГИКа. Каждый мосфильмовский редактор, мило улыбаясь, отправит китайца в соседнюю редакцию. И так он будет ходить по кабинетам по гроб жизни.

Но «китаец» Андрон Кончаловский «вышел» свое в Голливуде.

— Он режиссер с международными премиями, и его случай особый. Но даже с этими премиями он выхаживал Голливуд почти два года — почитайте воспоминания приветлившей его актрисы Ширли МакЛейн... А я точно знал, что еду туда подметать улицы. Однако на деле оказалось, что в Америке пробыть в дворники труднее, чем в Голливуде. В то время мусорщик там получал 16 долларов в час, и попасть на такую работу мог только член профсоюза мусорщиков, в который белому человеку вступить практически невозможно. Похожая ситуация оказалась и в американском кино. Голливуд не имеет права брать на работу литераторов, которые не

входят в американский союз кинематографистов. А вступить в этот союз невозможно, не сделав фильма в Голливуде.

Если помните, подобные нелепые законы были в ходу в советские времена. Например, ты мог получить работу в столице, только имея московскую прописку. А получить эту пресловутую прописку можно было, только имея работу в Москве. Замкнутый круг! В этом смысле жизнь в Америке зеркально отражала многие наши несуразности, только, конечно, на ином уровне. Но, в общем, оказалось, что мы во многом похожи. Хвала господу, случилось так, что мой роман «Красная площадь» стал бестселлером, и Голливуд сам пришел ко мне.

Я что-то не помню американского фильма с таким названием.

— А его и не было. Роман я закончил в 1982 году. Если вы читали, действие там начинается с самоубийства зампреда КГБ и дальше развивается вокруг закулисной борьбы за кремлевскую власть. Когда умер Брежнев, то оказалось, что моя книга единственная, которая точно предсказала, кто станет следующим руководителем Советского государства. В Англии роман перевели за десять дней и тут же издали, потом только за три первых месяца он был переведен на 14 языков, и я продал права на его экранизацию студии «Юниверсал» с условием, что сам же и напишу сценарий. Руководителем этой студии не оставалось ничего другого, как уладить все формальности с моим американским кинематографическим членством. Я заплатил вступительный взнос в 1200 долларов. И как только со мною подписали контракт, получил на себя и семью страховку, покрывающую все наши медицинские расходы. Что оказалось как нельзя кстати, потому что вскоре у нас родилась дочь. А «Юниверсал» послала книгу на отзыв члену своего худсовета Генри Киссинджеру. Но он решил, что на тот момент Америке нежелательно обострять отношения с новым генсеком в СССР, и проект зарубили. В кино это бывает. А два года назад на телеканале Россия по моей «Красной площади» был снят сериал с Андреем Соколовым в главной роли.

Ваши советские сценарии не были остросюжетными. Почему вы вдруг взяли за детективы?

— В первые месяцы жизни в Америке я заметил, там вся пресса о Советском Союзе настолько серьезна, что ее читает толь-

ко узкая прослойка советологов и университетской элиты, которую сами американцы называют «яйцеголовыми». А для широкой публики СССР — это как жизнь на Марсе. Между тем вокруг меня в автобусах и метро народ читал гигантское количество книг, отдавая предпочтение остросюжетным жанрам. И я решил попробовать рассказать западному читателю на понятном ему языке о том, какова жизнь в Советском Союзе. В этом и заключалось мое ноу-хау. «Журналист для Брежнева», «Красная площадь», «Чужое лицо», «Красный газ» они восприняли правильно — как панораму советской жизни. Достоверность фактуры и крутой сюжет обеспечили интерес к этим книгам в США, Европе и даже в Японии. Ведь я писал практически с натуры — в молодости был весьма мобильным журналистом: много ездил, написал массу очерков о жизни в Заполярье, Сибири, на Тянь-Шане, на «ударных стройках коммунизма». И я бросил своего персонажа следователя из одной части Страны Советов в другую, из одного социального слоя в другой. Оказалось, что простым западным читателям жутко интересно, как устроено чрево этого страшного русского медведя — Советского Союза.

Недостатка в образовании не ощущали?

— Наоборот. У меня было преимущество — кинематографическая школа за плечами. Действие в кино не может быть размазанным, а должно все время находиться в динамике, внутренней или внешней. Иначе как удержать зрительское внимание? При этом сценарист ограничен временем и средствами — есть только изображение, и нужно найти простое и визуальное решение для раскрытия подтекста и смысла, которые вы хотите донести. Поэтому хороший сценарий — это хорошая литература. Евгений Габрилович («Коммунист»), Валерий Фрид и Юлий Дунский («Экипаж»), Анатолий Гребнев («Карл Маркс. Молодые годы»), Геннадий Шпаликов («Я шагаю по Москве»), Евгений Григорьев («Романс о влюбленных»), Эмил Брагинский («Берегись автомобиля») — это все не просто отличные сценаристы, но и замечательные писатели.

Работа сценаристом, я считал, что кино — это шахматы, а литература — шашки. Но в Америке, уже став автором нескольких книг, понял, что это не так. У писателя есть свои преимущества. Главное — можно разговаривать с читателем один

на один, интимно, доверительно. Можно смешивать жанры, играть подтекстом, уходить в авторские отступления, воспоминания, сны... К тому же писатель, в отличие от сценариста, не имеет посредников между своим текстом и читателем. А между сценаристом и зрителем толпа посредников — режиссер, оператор, актеры... Правда, и за каждый свой промах писатель отвечает сам. Читатель может простить тебе только одну неудачную книгу. Но в следующей вещи нужно обязательно «подхватить уроненное знамя». Потому что вторую неудачную книгу читатель уже не осилит. И тогда всё, привет! Третьей не будет никогда.

Ваш роман «Красная площадь» до сих пор выходит с двумя авторами на обложке?

— Нет, уже только под одной моей фамилией. Я выиграл судебный процесс, и моя старая ошибка теперь исправлена. Суть дела в том, что более 20 лет назад я пожелал такого же эмигранта, как я сам, Фридриха Незнанского, которого жена управляла работать грузчиком в магазин, и записал его в соавторы своих первых двух романов. Я тогда легко относился к своему занятию и даже в самых смелых мечтах не мог предположить, что «Красная площадь» и «Журналист для Брежнева» получат мировую известность. За счет той славы Незнанский и живет все эти годы, эксплуатируя сделанное мной имя. Под него ушлые дельцы создали артель литературных негров, которые и пекут бесконечный «марш Турецкого», бездарно копируя «Журналиста» и «Красную площадь». О чем в свое время было несколько зубодробительных публикаций. Целую полосу «Литературные негры» напечатала «Комсомольская правда», корреспондент которой устроился писать книги за Незнанского и подробно описал всю «кухню». А когда я в своем «Литературном покаянии» написал, что собой представляет «писатель» Незнанский, он подал в суд за якобы клевету. Но в суде мои адвокаты выступили с требованием провести лингвистическую экспертизу.

Есть и такая?

— Ее делают в Институте мировой литературы имени Горького в форме литературоведческого исследования спорных текстов: сравнивают образную систему, метод разработки характеров, манеру диалога и т.д. В Институте математической лингвистики они загнули в компьютерские книги: два «спорных» романа — «Красную площадь» и «Журналиста», два моих романа и две книги, изданные под именем Незнанского. И компьютер отобрал словосочетания, наиболее часто употребляемые в каждом произведении. Тут я с удивлением узнал, что, например, словосочетание «тем паче» я в каждой моей книге, в том числе и в «Красной площади», и в «Журналисте для Брежнева», стабильно употребляю около сотни раз. Но ни в одной книге, изданной под именем Незнанского, оно не встречается вообще. Несколько десятков таких примеров дали возможность компьютеру легко установить, кто истинный автор «спорных» произведений. И как только суд получил заключения экспертов, адвокат Незнанского забрал исковое заявление. А суд своим определением назвал меня единственным автором этих книг. Теперь со всеми этими документами любой читатель может ознакомиться на моем официальном сайте в Интернете.

Вам не кажется, что время политических детективов уходит?

— Тревожные события в мире едва ли не каждую неделю нам показывают, что, к сожалению, нет. Чего стоят, например, события с захватом заложников в Театральном центре на Дубровке. Это же целый роман! Только теперь тема противостояния спецслужб России и Америки уступила место теме их общей борьбы с терроризмом. Сюжеты от этого становятся только круче.

Будете писать о том роковом спектакле «Норд-Оста»?

— Уже написал. Книга называется «Роман о любви и терроре, или Двое в «Норд-Осте». Это документальная повесть, в центре которой истории нескольких любовных пар разного возраста, оказавшихся в заложниках у террористов и переживших весь этот ад. Подлинными жертвами террора, подлинные участники штурма, реальные руководители оперативного штаба — от мэра Москвы до президента Путина — и даже реальная, а не выдуманная возлюбленная возглавлявшего террористов Бараева — вот персонажи этой книги. Испытанный заложниками «Норд-Оста» шок во многом сделал их другими людьми. Теперь они бережней относятся к своим близким и вообще иначе смотрят на мир.

Беседу вел Анатолий СТАРОДУБЕЦ